

**ДАУЛАТШАХ АЛ-ИСПИДЖАБИ.
БУРХАН АЗ-ЗАКИРИН
(ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ДЛЯ ПОМИНАЮЩИХ) /
ИССЛЕД. А.К. БУСТАНОВА
И Е.Л. НИКИТЕНКО; ПЕР.
С ПЕРС. И КОММЕНТАРИИ
Е.Л. НИКИТЕНКО,
ПЕР. С ЧАГАТАЙСКОГО
А.К. БУСТАНОВА.
М.: ООО «САДРА», 2020, 240 с.**

Шамиль Шихалиев
shibaliyev74@mail.ru

Книга представляет собой первое академическое издание перевода с персидского языка на русский суфийского произведения Даулатшаха ал-Испиджаби «Доказательство для поминающих» («Бурхан аз-закирин»).

Авторы этой книги — известные в российской и зарубежной науке ученые. Альфрид Бустанов является крупным специалистом в области изучения истории мусульманских народов России, ее письменной культуры. Евгения Никитенко также является известным специалистом по персидскому языку и литературе. Неудивительно, что итогом совместной работы этих двух исследователей стало издание этой книги, совмещающей в себе междисциплинарный исторический и филологический подходы. Причем оба эти направления органично сочетаются в монографии, так что мы видим перед собой не разрозненные тексты, объединенные схожей тематикой, а добротное издание, где каждый раздел дополняет и расширяет последующий, органично переплетаясь с ним.

**Шамиль
Шихалиев**
(рецензент)

*Институт
востоковедения РАН*

Изучение истории суфизма в мусульманских регионах России продолжает оставаться объектом пристального внимания ряда исследователей. Новые работы в этой области показывают подходы, представленные работами историков, филологов и антропологов. Ряд периодов в истории развития суфизма в России и Центральной Азии широко освещены и изучены в работах российских и зарубежных исследователей. Я не буду их упоминать, поскольку авторы данной монографии уже использовали — в том числе самые последние, — работы в этой области. Вместе с тем определенные вопросы распространения суфизма среди мусульманских народов России все еще продолжают оставаться «белым пятном» в науке. Это касается прежде всего периода XVI–XVIII вв. Недавние редкие исследования истории суфизма этого периода лишь частично покрывают этот пробел. Настоящее исследование является первым, уникальным и крайне успешным опытом анализа и перевода с персидского языка на русский весьма интересного источника, повествующего об истории и практике малоизвестного в российской науке суфийского братства Йасавайя. Поскольку оно практически не име-

ет своих последователей в современной России, письменные источники, посвященные истории распространения братства Йасавийа, остаются единственным памятником, отражающим его историю в Урало-Поволжье и Сибири, особенности его теории и практики.

Изучение распространения суфизма в России, проблемы, с которыми сталкивается исследователь при изучении суфийских обрядов и практик, переводе и анализе суфийских трактатов, ставят перед ним ряд сложных вопросов, связанных с точной передачей некоторых суфийских терминов и понятий. Неверное истолкование отдельных терминов приводит к неправильному пониманию всего многообразия суфийских теории и практики, имеющих специфические особенности в зависимости от хронологии, географии распространения, социальной и интеллектуальной среды их распространения в конкретном регионе. Тем более отрадно, что данная работа охватывает довольно широкий круг разноплановых и разножанровых подходов, содержит как перевод и объяснение «внутренних» особенностей суфийской практики, так и описание контекста интеллектуальной истории региона. Иными словами, в данной работе мы видим не только перевод отдельного источника по истории и практике братства Йасавийа, но и широкий исторический контекст его распространения, переплетения с другими тарикатами в конкретный исторический период. Такое сочетание структуры монографии очень удачно превращает ее из специализированной, справочной публикации источника, оторванного от контекста места и условий его формирования, в добротную книгу, раскрывающую широкому кругу читателей историческую глубину и многообразие исламской традиции мусульман Урало-Поволжья и Сибири.

Структурно данная книга состоит из нескольких разделов.

Первый раздел, написанный Альфридом Бустановым, посвящен истории развития персоязычной культуры Сибири в XVII–XIX вв.

Развитие исламской культуры в Западной Сибири, в частности в Тоболо-Иртышском междуречье, автор определяет через ее осмысление в несколько этапов самими носителями исламской традиции.

Первый этап Альфрид Бустанов связывает с переселенцами из Центральной Азии, которые привозили с собой тексты, посвященные истории распространения ислама в Мавераннахре, генеалогической преемственности их носителей и ранних проповедников ислама в регионе. Эти тексты, по мнению автора, являлись ключевыми для определения этими переселенцами собственной идентичности (с. 8.).

Второй этап был связан с укреплением исламской идентичности в регионе, что обусловило «необходимость составления новых объяснительных нарративов, в центре которых находилось бы описание ключевой роли священных семейств из числа переселенцев в распространении и поддержании ислама в Сибири». При этом автор подчеркивает важность создания местной агиографической традиции и через нее легитимации сложившегося статуса отдельных семей (с. 9). На самом деле такая традиция создания своих генеалогий (*шеджере*) была широко распространена среди мусульман не только Западной Сибири, но и Урало-Поволжья — в противовес тому, что мы видим на Восточном Кавказе.

Несомненно, переселение в Сибирь и укоренение здесь жителей Центральной Азии обусловили распространение персоязычной традиции в регионе. Учитывая, что в Мавераннахре были довольно сильны традиции суфизма, неудивительно, что это отразилось

и на особенности исламской культуры в Западной Сибири. Это отчетливо видно на примерах широкого распространения в Сибирском исламе культа святых, являющегося важной составной частью персоязычной исламской традиции. В контексте легитимации святых семей Западной Сибири, о чем пишет в этом разделе Альфрид Бустанов, становится понятным важная роль персидского языка в среде мусульман Поволжья, Урала и Сибири. Очевидно, что развитие персоязычной культуры в Западной Сибири было обусловлено тесными контактами этого региона с Бухарой, причем эти контакты носили двусторонний характер. Не только мусульмане Сибири ездили обучаться в Центральную Азию и получали там иджазы, что мы видим на примере упомянутого в работе Ибн Хаджа, который учился у Даулатшаха в Бухаре (с. 17), но и бухарцы получали «разрешение» на переселение в Сибирь. Учитывая, что в Бухаре господствовал персидский язык, неудивительна также его популярность в Урало-Поволжье и в Сибири. Можно говорить о том, что «бухарская» модель исламского образования и мусульманской научной традиции берет свое начало в Сибири, по крайней мере, начиная с XVII века. Очевидно, что персидская традиция была популярна в пределах широкого региона Урало-Поволжья и Сибири на протяжении нескольких столетий. Об этом, во всяком случае, свидетельствует большое количество сочинений XVIII — нач. XIX вв., написанных на персидском языке, о чем пишет Бустанов.

Автор вполне убедительно показал, как персоязычная культурная традиция к концу XIX века сменяется ориентацией мусульман Урало-Поволжья и Сибири на Ближний Восток. Многие рукописи, написанные на персидском языке, к концу XIX в. потеряли актуальность и попросту были вытеснены арабоязычными. Вероятно, потеря престижа персидского языка во второй половине XIX в. и обусловила преобладание арабоязычных текстов в государственных хранилищах Казани и Уфы над персоязычными.

В контексте развития суфизма в среде мусульман России Альфрид Бустанов показывает тесное переплетение различных практик внутри суфийских групп Поволжья, Урала и Сибири. Вслед за Девином ДеВизом, который изучал аналогичные процессы на примере суфийских братств Центральной Азии, Альфрид Бустанов приходит к выводу, что «различие конкретных ритуалов выглядит важнее формальной принадлежности к тому или иному братству, тем более если большинство этих шайхов ассоциировались с одной и той же суфийской линией преемственности» (с. 27).

На самом деле подобное мы можем видеть и на примере других мусульманских регионов России, когда смешение разных тарикатов и даже межрегиональные суфийские связи в рамках единой ритуальной практики становились более важными и определяющими, чем формальная принадлежность к одному братству. Ярким примером этому могут служить две параллельные ветви Накшбандийа на Восточном Кавказе. Способы совершения зикра в них являются более определяющими для собственной идентичности и причисления суфиев к определенной традиции, чем разные практики внутри одного накшбандийского тариката в одном регионе.

Второй раздел, написанный Евгенией Никитенко, посвящен краткому описанию сочинения «Бурхан аз-Закирин». В этой главе дан глубокий, развернутый текстологический, лексический и стилистический анализ этого произведения. Автор показывает источники, которыми пользовался Даулатшах ал-Испиджаби, и то, как он, держась определенной традиции, использовал другие источники. В частности, Евгения Никитенко пишет, что при описании истории братства Йасавийа Даулатшах ал-Испиджаби пользовался накшбандийскими текстами. При этом, заимствуя тексты, написанные накшбандий-

скими шейхами, автор отмечает, что ал-Испиджаби подходил к этим текстам селективно, в своей собственной редакции, умалчивая те сюжеты, где шла критика со стороны накшбандийцев практики громкого зикра, сторонником которого был ал-Испиджаби (с. 35). Это весьма тонкое наблюдение автора, которое в контексте письменных источников подтверждает довод о призрачности жестких границ между тарикатами. Сочинения шейхов, принадлежащих одному тарикату, служили вдохновением и использовались в контексте сочинений других братств. До этого мы встречались с примерами, когда представители одного тариката редактировали тексты шейхов другого тариката в соответствии со своим пониманием того, что является «правильным» в мировоззрении определенного тариката, включая практику, а что нет. Наглядным примером может служить редакция дагестанского накшбандийского шейха Хасана ал-Кахи (1853–1937) сочинения «Силсила ал-масну'ат» халватийского шейха Ахмада аз-Зирихгерани (ум. в 1560-х гг.). Читая и переписывая эту рукопись, ал-Кахи посчитал многие термины и понятия халватийской практики «неправильными» с точки зрения накшбандийской практики и отредактировал весь текст в процессе переписывания. Таким образом, мы видим разнообразные подходы — когда рукопись редактировалась во время переписывания, когда автор использовал в своей работе уже отредактированный текст, когда новое сочинение писалось с определенной редакцией источников со стороны самого автора, что отмечает Евгения Никитенко в этой главе (с. 39). Примечательно, что йасавийские практики в некотором роде вошли в накшбандийские и были тесно переплетены с ними. Подобное же мы видим и на примере Восточного Кавказа — Дагестана и Ширвана, когда более ранняя халватийская традиция служила источником вдохновения для накшбандиев в вопросах этики, космографии и некоторых практик. В числе последних можно назвать практику сорокадневного уединения (*халват*), которая практиковалась у халватийцев и — позже — у ранних кавказских накшбандиев, которые впоследствии отказались от этой практики. Очевидно, что демонстрируемое и описанное Евгенией Никитенко тесное переплетение ранней йасавийской традиции с более поздней накшбандийской не было исключением из правил. При этом, если в Центральной Азии и Сибири в качестве объекта вдохновения мы видим братство Йасавийа, то на Восточном Кавказе в этом качестве выступало братство Халватийа. Очевидно, что границы четкой приверженности тому или иному братству несколько размывались, о чем пишет в первом разделе Альфрид Бустанов и что на основе текстологического анализа рукописи показывает во втором разделе и Евгения Никитенко. В целом, данный раздел производит хорошее впечатление своей глубиной, скрупулезностью, четкой логикой построения, обширными филологическими и грамматическими комментариями.

Третья часть работы представляет собой академический перевод сочинения «Бурхан аз-Закирин» с обширными историческими и филологическими комментариями. В переводе Евгении Никитенко удалось подобрать очень точные формулировки, комментарии и переводы сложных суфийских терминов и понятий. При этом перевод, несмотря на академичность, читается довольно легко. Автор подбирает лаконичные, но емкие по своей семантике эквиваленты суфийских терминов и понятий, что говорит о профессионализме автора и глубоком знании предмета исследования.

Наконец, последний раздел этой работы представляет собой перевод небольшого по своему объему произведения Даулатшаха ал-Испиджаби «Благой Трактат о радении», которое посвящено легитимации религиозных песнопений, радения с музыкой (*сама'*) в суфийской ритуальной практике. В конце книги даны факсимиле обеих рукописей.

Несмотря на положительные впечатления об этой работе, все же хотелось бы поделиться и некоторыми критическими замечаниями и комментариями.

В примечаниях Альфрид Бустанов пишет о том, что халватийские идеи, вероятно, были связаны с обучением поволжских мусульман в Дагестане в XVII в. (с. 6). На самом деле этот сюжет отмечен в ряде татарских биографических и исторических сочинений. В дополнение к этому нельзя также исключать и тот факт, что поволжские мусульмане сами обучались в Ширване. Во всяком случае, есть свидетельства о том, что ряд татарских ученых, во второй половине XVII века обучаясь в Ширване, переписывали там рукописи.

Во втором разделе не хватает палеографического анализа рукописи. Не ставя под сомнение вывод Евгении Никитенко о том, что рукопись, которая легла в основу перевода, является автографом, все же для детального подтверждения доводов авторов, желательно было бы изучить тип бумаги и ее филигрانی. Это дало бы дополнительный аргумент в пользу датировки самой рукописи и ее идентификации как автографа ал-Испиджаби в противовес вероятному предположению о копировании колофона рукописи неким переписчиком. Анализируя стиль, лексику и грамматику этого произведения, Евгения Никитенко пишет, что «рукопись „Доказательства для поминающих“ содержит большое число ошибок и описок, причем в наиболее простых пассажах преобладают малозначительные описки и орфографические ошибки, в то время как в более сложных отрывках, например в стихотворениях с редкой лексикой, встречаются также грубые грамматические ошибки и искаженное написание слов, свидетельствующие о том, что текст не был в полной мере понятен писавшему» (с. 43). Учитывая происхождение Даулатшаха ал-Испиджаби, его биографию, маловероятно, что он плохо знал персидский язык. Плохое знание персидского языка не предполагает написание довольно сложного суфийского произведения на этом языке. Предположение же автора о том, что это сочинение надиктовывалось самим автором, не совсем убедительно. Логически более предпочтительно было бы предположить, что в этом случае автор надиктовывал бы свое сочинение более сведущему в персидском языке ученику. Точно подмеченные автором орфографические и грамматические ошибки могут свидетельствовать о том, что в данном случае мы имеем дело с копией, переписанной неким ученым, который не очень хорошо знал персидский язык, нежели с автографом. Во всяком случае, более детальный палеографический анализ рукописи позволил бы определить, является ли рукопись автографом, где автор (а возможно — и ученик автора, который писал под его диктовку) допускал грамматические и орфографические ошибки, либо копией, где переписчик, плохо знающий персидский язык, допустил эти ошибки.

Разбирая стиль и язык произведения «Бурхан аз-Закирин», автор отмечает его многоязычие; наряду с персидским языком в тексте встречаются цитаты, фразы на арабском и на тюрки. В соответствии с этим автор делает вывод о том, что «подобное трехязычие характерно для рукописной традиции мусульман Российской империи в целом» (с. 42). Здесь автор не совсем корректен, поскольку исламская книжная традиция Северо-Восточного Кавказа не предполагает многоязычие в рамках одного произведения. Она в основном моноязычна и в подавляющем большинстве представлена арабоязычными сочинениями. Редкие двуязычные произведения на Восточном Кавказе, представленные до первой четверти XX в. в подавляющем большинстве словарями, можно считать скорее исключением из правил.

Большая скрупулезная работа, проделанная Альфридом Бустановым и Евгенией Никитенко, оказалась бы в выигрыше, если бы в конце книги авторы дали именной и географический указатели, что помогло бы читателям ориентироваться в большом количестве топонимов и антропонимов, встречающихся в тексте. Также было бы желательно привести словарь терминов и понятий, встречающихся в тексте.

Отмеченные замечания, однако, не носят принципиального характера, они высказаны в качестве пожеланий и ни в коей мере не умаляют значимости исследования. Представленная на суд читателя книга является значимым событием в российском исламоведении и вносит значительный вклад как в изучение персидской литературы в целом, так и суфийских произведений в частности.